

Житие Святителя Дионисия

архиепископа Суздальского, основателя Нижегородского Печерского монастыря

(ок. 1300 — 1385)

Память: 15 октября — упокоение, 26 июня

Святой Дионисий родился в пределах киевских около 1300 года и в крещении наречен был Давидом [1](#). Обучившись грамоте, он с ранних лет посвятил себя подвигам иноческой жизни в Киево-Печерском монастыре. Здесь пострижен он в монашество и вскоре сделался иеродиаконем. Чтение Священного писания, отцов церкви, молитва, бдение, воздержание были постоянным предметом его занятий. Но Дионисий не хотел оставаться навсегда в Киеве. Чувствуя в себе зрелость ума и твердость воли в предприятиях, он решился удалиться из Киева и основать где-либо свою обитель. Такая мысль согласна была и с характером самого Дионисия и с духом того времени, когда многие, подобно самому Антонию Печерскому, хотели жить в неизвестности и удалялись для основания своих обителей. С такою, вероятно, мыслию и Дионисий решился оставить Киево-Печерский монастырь, сделавшийся рассадником многих русских обителей.

Но чтобы сохранить воспоминание о Киево-Печерской святыне, перед которою Дионисий воссылал теплые молитвы, он приказал снять для себя точную копию с иконы Печерской Божией Матери. Икона эта с предстоящими Антонием и Феодосием была для него приготовлена. С нею и с некоторыми другими Киево-Печерскими иконами и со своими сотрудниками Дионисий отправился из Киева. Это было в самом начале княжения Иоанна Даниловича Калиты. На пути своем они достигли до Нижнего Новгорода, управляемого тогда Суздальским князем Александром Васильевичем [2](#), родным братом Великого князя Константина Васильевича.

В то время, по случаю частых набегов от казанских татар и мордвы, были уже в двух Нижегородских приволжских пещерах трудившиеся для Бога отшельники. Невдалеке от них, ближе к городу, Дионисий избрал себе место со своими спутниками и ископал здесь пещеру для своих подвижнических трудов.

Таким образом, в трех верстах от Нижнего на восток, у реки Волги, под горою, было положено основание Печерской обители, названной так по имени Киево-Печерского монастыря и принесенной оттуда иконы [3](#). Вслед за настоятелем Дионисием ископали себе пещеры и пришедшие с ним пустынножители. Но пустынником и отшельником Дионисий жил здесь недолго. Его иноческие подвиги вскоре сделались известными и привлекали к нему подвижников со всех сторон. После этих пещер, на уступе горы устроен им и храм Вознесения Господня, в знамение возношения молитв в горние небесные селения [4](#). В этом храме поставлена и принесенная из Киева икона [5](#).

Основание Печерского монастыря, сообразуясь с жизнью самого Дионисия и постригаемых от него лиц, должно относиться к 1330 году [6](#). Студийский устав, принесенный Дионисием из Киева, был уставом для новоустроенной обители, в которой правила одного устава выполнялись со всею строгостью. Что касается до церковного и хозяйственного порядка, то Дионисий, по примеру Киево-Печерского монастыря, завел особые книги под названием книг кормовых, или вкладных, и келарских [7](#). Новоустроенная обитель, украшаемая трудами и подвигами Киево-Печерских странников, вскоре начала привлекать к себе многих искавших спасения. К этому располагало и самое состояние княжества Нижегородского, которое, кроме владычества монголов, давших власть князьям нижегородским, испытывало бедствия борьбы между удельными князьями и терпело частые набеги и опустошения от окрестной мордвы и татар. Впрочем, старший исполнитель иноческих правил, Дионисий и от вступающих в его обитель требовал подобной строгости, полного смирения и самоотвержения.

кажем на лиц, вступающих в новую обитель к Дионисию. Из них первый известен преподобный Евфимий Суздальский. Родившись в Нижнем Новгороде, в приходе св. Жен Мироносиц, Евфимий с малых лет слышал о постнических подвигах Дионисия с учениками. Достигши 14-летнего возраста, он скрылся от родителей и пришел к настоятелю Печерской обители, преподобному Дионисию. «Причти мя, отче, — сказал он, поклонившись до земли, — к святому избранному стаду твоему». Смотря на молодые лета, но вместе и на неотступное желание быть причтенным к стаду Христову, Дионисий сказал ему Евангельские слова: «Исповедаются, отче небесе и земли, яко утаил еси от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцам. Ей, отче! Яко тако бысть благоволение пред Тобою» [8](#).

Еще с большей строгостью принимаем был другой нижегородский уроженец, преподобный Макарий, из одного с преподобным Евфимием Мироносицкого прихода [9](#). Когда Макарий, имея от роду не более 12 лет, пришел в Печерский монастырь и, сказавшись безродным сиротою, стал умильно просить Дионисия о принятии его в число братства; тогда строгий в жизни святитель указывал Макарию на юные еще лета для иноческих подвигов. «Поверь мне, чадо, — говорил он с любовью отроку, — что трудно и прискорбно носить иго монашеского жития. Ты еще весьма молод. По моему мнению, невозможно тебе переносить постнические труды и терпеть напасти от бесовских козней. Заботясь о тебе, страшусь, дабы вместо спасения души не возлюбил ты чего-нибудь мирского, тобою теперь оставляемого, и не почел бы правый путь спасения тяжким и строптивым. Тогда благое начинание твое не поможет тебе, а обратится в пагубу, как написано: «Никто же возложь руку свою на рало, и зря вспять управлен есть в Царствии Божии» (Лк. 9, 62). Дионисий согласился на желание отрока уже после усиленной и слезной его просьбы, заметив в нем вместе с расположением осенявшую его силу благодати. Тогда только сказал ему: «Чадо! Благое твое избрание да будет согласно с твоею волею», — и постриг его в 1361 году в монашество [10](#).

Оба сии постриженники Дионисия были в числе 12 учеников, избранных им по примеру Апостолов. К числу сих избранных учеников принадлежал и Павел Высокий, «старец книжный и чудный», скончавшийся 4 января 1383 года и оплакиваемый самим Дионисием за его великие подвиги [11](#). Избранных учеников Дионисий поучал особенным высоким

правилам веры и благочестия, приготавливая их к устройению новых обителей и распространению веры Христовой. Из числа их указанный преподобный Евфимий, который по желанию Великого князя Бориса Константиновича, основал Спасо-Евфимиев Суздальский монастырь. Кроме Великого князя Константина Васильевича, заботившегося об устройении церквей, Дионисий находился в близких отношениях и к его детям. Из них Борис Константинович, приезжая из Суздаля в Нижний Новгород к отцу своему, часто беседовал со св. Дионисием, помогал ему вкладами и пожертвованиями в монастырских нуждах [12](#) и высказывал ему при этом случае свое желание основать в Суздале общежительную обитель, подобную Печерской.

Надеясь на благоразумие и опытность 36-летнего ученика своего Евфимия, Дионисий избрал его для этого подвига, отзываясь пред Великим князем с лучшей стороны об его благочестии и благодатных дарах к созиданию обители. Услышав о сем, преподобный Евфимий начал слезно просить настоятеля не отлучать его от себя и от братии, им возлюбленной, чтобы не быть пришлецом на земле чужой. Тогда Дионисий сказал ему: «Земля вся Господня; во всей земле должно проповедывать слово Божие. Яви беспрекословно послушание. Ступай с радостью в путь, тебе предназначенный. Скорбеть тебе не о чем; мы разлучаемся только телом, а не духом и молитвою». Преподав ему со слезами на очах спасительные наставления на предстоящий подвиг, прибавил: «Ведай, что за тяжкие грехи наши и за умножение беззаконий в последние времена, после нашего к Богу отшествия будет запустение граду сему: святые церкви и монастыри будут разорены от поганых и безбожных агарян. А ты в скорбях не унывай. И на пути, и во всяком благом начинании помощником и покровителем будет тебе Бог. Ты благополучно дойдешь до города Суздаля. Будешь приносить жертву хвалы и благодарности ко господу во храме Богородицы. Собеседником твоим будет Суздальский благочестивый епископ Иоанн» [13](#).

Это предсказание сбылось сначала на Макарьевском Желтоводском монастыре, основанном другим учеником Дионисия, Макарием, а после и на самом Печерском монастыре, во время 24-летней казанской войны. По воле и убеждению настоятеля, Евфимий должен был отправиться в Суздаль, будучи еще простым монахом. На пути своем он, останавливаясь, водрузил крест в нынешнем г. Горбатове [14](#), основал пустынь близ г. Гороховца, устроив здесь церковь во имя св. Василия Великого [15](#). А в 1352 году, он и в самом Суздале устроил, по желанию и распоряжению Великого князя, обитель и храм во имя Преображения Господня и прожил в ней архимандритом до 88 лет. Он преставился 1 апреля 1404 года и погребен в созданном им Спасо-Евфимьевском монастыре, на месте, им самим устроенном, где почивают под спудом его святые мощи.

Другой ученик Дионисия, Макарий, избегая мирской славы, удалился из Печерского монастыря вверх по течению Волги в пустыню, находящуюся при слободе Ремше, нынешней Костромской губернии. Здесь основал обитель Богоявленскую, известную ныне под именем Макарьевской пустыни Юрьевоцкого уезда. Отсюда удалился на Желтые воды нынешней Нижегородской губернии Макарьевского уезда. Здесь устроил деревянный монастырь, названный Желтоводским и разоренный воинами Улу-Махмета. Отведенный пленником в Казань и отпущенный назад, преподобный Макарий возвратился на прежнее место погresti убиенный собратий и отсюда удалился

в Галичские пределы на реку Унжу, основав здесь Унженский монастырь. Преставился он на 95 году в г. Унже 25 июля 1444 года, а мощи его почивают под спудом в устроенной им Унженской обители [16](#).

Кроме князя Бориса Константиновича, Дионисий уважаем был и благочестивым братом его, Великим князем Нижегородским Андреем Константиновичем, равно и благоверною супругою его Анастасией Ивановной. Сия княгиня, провождая жизнь свою в благочестивых подвигах, еще при жизни супруга своего, с благословения митрополита Феогноста, основала Зачатейский женский монастырь [17](#), обогащала его различными вкладами, а по смерти мужа была пострижена в монашество. Пострижение над ней совершил св. Дионисий в 1369 году, нарекши ее Вассою [18](#). Эта княгиня, в схиме названная Феодорою и восхваляемая летописцами за благочестие, почитается в числе святых местночтимых. После 22-летнего управления Зачатейским монастырем она скончалась 1377 года [в возрасте] 46 лет и погребена в Нижегородском Спасо-Преображенском соборе [19](#). Находясь в близких отношениях к Великим князьям, Дионисий был известен и высшим Иерархам Русской Церкви. Его знал митрополит Феогност, а со святителем Алексием [митрополитом Московским] и преподобным Сергием [игуменом Радонежским] он познакомился в Нижнем Новгороде. Первый на пути своем в Орду мог видеть Дионисия два раза, из коих в первый раз крестил у Бориса Константиновича сына Иоанна, прозванного Тугим Луком; а в другой раз, когда по исцелении супруги Чанибековой Тайдулы устроил в Нижнем Новгороде Благовещенский монастырь, обогащаемый вкладами Бориса Константиновича [20](#). А с преподобным Сергием Дионисий мог беседовать осенью в 1365 году, когда он присылаем был от св. Алексия в нижний Новгород для примирения двоих братьев, Великих князей Бориса и Дмитрия Константиновичей, с приказанием затворить ему церкви в случае Борисова упорства [21](#). Это знакомство много благоприятствовало св. Дионисию в судьбе будущей его жизни. По мере устройства Печерского монастыря Дионисий из простых настоятелей сперва сделался игуменом, а потом уже и архимандритом. Когда именно он был поставлен архимандритом, неизвестно. Известно только то, что он уже в сане архимандрита постригал и преподобного Макария, и основательницу Зачатьевского монастыря Великую княгиню Анастасию.

До 1371 года Дионисий оставался еще архимандритом Печерского монастыря, а в этом году на 1-й неделе поста он вызван был св. Алексием митрополитом в Москву и посвящен в епископа Суздальского и Нижегородского. Преподав правила своим инокам о смирении, кротости и миролюбии, он простился с братиею, оставил монастырь и отправился в Москву для принятия сана епископского. В то время ни Суздаль, ни Нижний Новгород не имели епископа. Несчастный епископ Алексей, удаленный от управления Нижним и Городцом святителем Алексием за покровительство Борису и Дмитрию Константиновичам, скончался назад тому уже около 10 лет [22](#). На место Алексия возведен св. Дионисий. Новопосвященный Суздальский епископ сначала жил в Нижнем Новгороде. Здесь он избавил нижегородцев от мести татар, усмиривши раздраженных граждан, кои убивали корыстолюбивых ордынцев, приехавших в сей город с посольством [23](#). Здесь же он подвергался опасности и за свою жизнь. Случай к этому был следующий. В тот самый год, когда посвящен Дионисий во епископа, послы мамаевы, приехав в Нижний с воинскою дружиною, оскорбили здесь своею наглостью Великого князя Дмитрия

Константиновича и многих граждан. Оскорбленный князь велел народу приехавших послов умертвить, а главного из них, мурзу Сарайку, с некоторыми заключить в крепость. На другой год объявили Сарайке, что хотят разлучить его с товарищами. Испуганный мурза ушел из-под стражи и, вбежав в архиерейский дом, находившийся в самом Кремле, зажег оный и начал обороняться с помощью своих слуг. Во время такой обороны Дионисий находился в крайней опасности. Пущенные стрелы едва не ранили самого святителя, разодрав нижнюю часть его мантии. Это было 31 марта 1374 года [24](#).

Спустя немного времени после этой опасности, св. Дионисию предстояла более опасная и продолжительная борьба с Михаилом, известным в нашей истории под названием Митяя. Эта борьба, возведшая Дионисия на высокую степень русской Иерархии, требовала больших от него трудов и подвигов. Ему нужно было идти вопреки намерениям московского князя, многочисленного народа и большей части духовных и светских сановников. Впрочем, он успешно совершил столь трудное дело, с надеждою на Бога и с покровительством Сергия Радонежского. Поводом к борьбе были приближение кончины и самая кончина святителя Алексия.

Чувствуя близкую свою кончину, св. митрополит Алексей изъявил желание иметь преемником своим на Московском престоле любимого и уважаемого им игумена Сергия Радонежского. Но смиренный инок отказался от предлагаемой ему почести. Узнав об этом, Димитрий Иоаннович Донской просил святителя Алексия, чтобы он благословил на митрополию Михаила, Новоспасского архимандрита, который из простых коломенских священников сделался духовником Великого князя Димитрия и его печатником [25](#). Нужно заметить, что такой степени достоинства Митяй достигнул не внутренними, нравственными качествами, а внешними. Он отличался пред всеми московскими священниками умом, знаниями, красноречием, острой памятью, приятным голосом, красотою лица и величественной наружностью. Но при этих наружных качествах в нем не было смирения: вместо прежнего притворства начали обладать им в высшей степени роскошь и честолюбие. Все это было известно престарелому святителю алексию. Он долго не соглашался на требование Великого князя, называя его новоуком (неопытным) в монашестве и опасаясь за его последующую жизнь. Наконец, убежденный сильными просьбами князя, св. Алексей как бы насилием и принуждением благословил Митяя своим наместником. Но, провидя неисполнение требований Димитрия, он вместе с благословением говорил об Митяе: «Михаил еще молод в иночестве; я не могу благословить его. Пусть будет митрополитом тот, кого Изволит Бог и Пресвятая Богородица и избрет патриарх с собором» [26](#).

В 1378 году скончался святитель Алексей. На его место, со всеми правами митрополита, вступил непосвященный еще Митяй. К такому самовольному занятию святительского места, вероятно, было одно только согласие добродушного князя. И народ, и духовенство изумлялись столь дерзновенному, неслыханному поступку Митяя. Никто не хотел видеть его на митрополии; епископы, игумены и священники молились даже Богу, чтобы Он Своєю силою не попустил Митяю быть митрополитом [27](#). Но Митяй среди честолюбивых замыслов не смотрел ни на что. Перешедши жить в митрополичий дом, сам возложил на себя белый клобук, надел мантию с источниками и скрижалями, взял посох, печать, казну, ризницу митрополита, требовал со всего духовенства платимой ими дани

и начал вести жизнь самую роскошную [28](#). Желая вполне упрочить свою власть, он, по-видимому, собирался к путешествию в Царьград [29](#), а между тем опасался достигнуть этого и начал просить князя, чтобы он прежде собрал в Москву российских святителей и велел им поставить его в епископы, согласно с уставом Апостольским и Номоканоном. По желанию Митяя, князь созвал всех архиереев в Москву для поставления его сначала во епископы. Чтобы не оскорбить Великого князя противоречием, все согласилось на требование Михаила. Один Дионисий Суздальский возвысил свой голос против избираемого епископа, утверждаясь на том, что в России одни только митрополиты имеют право рукополагать в епископы. «Кто ты, — говорил князю Дионисий, — тако научил претворяти законы? Неподобаше убо тому быти» [30](#). Этому законному воспротивлению после некоторых споров должен был уступить и сам Димитрий Иоаннович, к досаде избираемого епископа. Вражда по этому случаю между Митяем и Дионисием со дня на день усиливалась. Наконец разгневанный Митяй не мог более терпеть. Он призвал к себе Дионисия и сказал ему: «Для чего ты до сего времени не являлся ко мне и не принял от меня благословения?» Дионисий равнодушно отвечал: «Ты поп, а я епископ; как же ты можешь благословить меня?» Так резко Дионисий имел право отвечать потому, что в то время не было обыкновения прямо из белых священников посвящать в архимандриты, исключая одного Новгорода, а сначала надобно было пройти все степени монашеского послушания. Впрочем, Дионисий сопротивлялся любимцу государеву Михаилу, сколько по собственной ревности к делам Веры и церковным обрядам, столько и по совету преподобного Сергия, с которым он был в постоянной дружбе со времени их свидания и беседы в Нижнем Новгороде. Высокомерие, сребролюбие и мирская жизнь Митяя были вполне известны преподобному Сергию. Но сам он, бывший восприемником детей Великого князя и имея характер весьма кроткий, не хотел прямым личным сопротивлением оскорбить Димитрия; но в то же время не хотел видеть на митрополии и гордого Михаила. С этою то целью Троицкий игумен возбуждал Дионисия заранее к законному несоглашению и сам лично, и через ученика его Евфимия Суздальского, приезжавшего к нему в монастырь по поручению епископа [31](#). Вероятно и то, что спустя несколько времени, сам преподобный Сергий с кротостью ходатайствовал пред Великим князем за св. Дионисия и говорил, всех приличнее быть преемником святителя Алексия Дионисия, и созванный им собор указывал также на Дионисия, вопреки желанию князя [32](#).

Как бы то ни было, только раздраженный на противившегося Дионисия, Митяй грозил ему, что, когда поставлен он будет в митрополита, не оставит и потом Дионисия, собственными руками спорет скрижали с его мантии [33](#). От таких страшных угроз опасаясь долее оставаться в Москве, Дионисий хотел удалиться из нее под защиту Нижегородского князя Димитрия Константиновича, тестя Димитрия Донского [34](#). Вместе с сим хотел предупредить и врага своего Митяя в Царьграде. Но хитрый Митяй предвидел это и, опасаясь, чтобы он не уехал в Царьград к патриарху, задержал его в Москве; по приказанию князя была приставлена к Дионисию стража. Но Дионисий принужден был дать клятву в том, что он, и не думает ехать в Константинополь до того времени,

пока Михаил поставлен будет митрополитом [35](#). Ни князь, ни любимец его Митяй не верили словам Дионисия. Но за верность его слов поручился преподобный Сергий. Между тем дионисий вскоре должен был изменить данному слову. Освобожденный из под

стражи, он захотел предупредить врага своего, через неделю же тайно уехал в Нижний Новгород и оттуда немедленно отправился Волгою, поспешая как можно скорее явиться в Константинополь (1379). Причиной столь незаконной, по-видимому, измены была боязнь за благо Церкви, за безопасность собственную и безопасность преподобного Сергия. Дионисий видел все зло, если митрополия достанется в руки Митяю, видел всю вражду Митяя против себя и преподобного Сергия, коему грозил разорением Троицкой обители за то, что он поручился за врага его Дионисия, и за то, что внушал св. Алексею предпочесть пред ним того же Дионисия и не благословлял на будущую митрополию [36](#).

Прибыв благополучно в Константинополь, Дионисий рассказал там о Русских церковных делах, в особенности о своевольном поступке Михаила (Митяя) и о намерении его не иметь более сношений с Патриархами Константинопольскими. Патриарх одобрил ревность Дионисия в защищении патриаршеских прав; возвел его в сан архиепископа Нижегородского, Суздальского и Городецкого. При посвящении Дионисия в сан архиепископа дана ему от Константинопольского Патриарха Нила особенная грамота. В этой грамоте восхваляется Дионисий по уму, по жизни по знанию Священного Писания и церковных правил, по ревности к наставлению и управлению паствою. Вместе с собственною его почестью предоставлена Патриархом особенная почесть и для управляемой им Суздальской епархии. Она делается архиепископию и поставляется по достоинству на втором месте после Новгородской. Чтобы возвысить новую архиепископию и нового архиепископа, ему дано было право занимать второе также место во всех соборных служениях, устанавливать новые праздники по его усмотрению и облачаться в кресчатые ризы и стихарь с источниками [37](#). Такие отличия принадлежали только Русским митрополитам. В грамоте патриаршей имя врага Дионисиева, Митяя, хотя и не упоминается, но кажется, прямо делается намек на него, когда требуется от всех оказывать ему [Дионисию] повинование и осуждается на отлучение тот, кто дерзнет восстать на нового архиепископа и управляемую им архиепископию.

Находясь в Царьграде, Дионисий захотел иметь две копии с иконы Одигитрии Божией Матери. Святые иконы отослал он с ученым (философом) иноком Малахию в княжества Нижегородское и Суздальское. Из этих небольших икон одна поставлена в Нижегородском Спасо-Преображенском Соборе, а другая в соборе Суздальском, где они и доселе находятся. Но этим деятельность Дионисия в Константинополе и снисканная у Патриарха милость не ограничивалась. Еще при жизни св. Алексея митрополита, сперва во Пскове, а потом и в Новгороде открылась (1371) секта раскольников, названных стригольниками по имени диакона Карпа, расстриги, учившего, что священники, посвящаемые на мзде, суть хищники священства и что от них надобно удаляться [38](#). Строгое обращение с ними новгородцев было только поводом к тайному умножению их. Новгородский архиепископ Алексей, смотря на умножение этой секты и не видя средств к искоренению оной, писал об этом к Константинопольскому Патриарху Нилу. Патриарх принял такое известие с прискорбием и печалью. Теперь, когда заметил из беседы и обращения с Дионисием довольно в нем ума, опытности и благочестия, то поручил ему средствами благоразумного убеждения примирить стригольников с церковью. Вместе с наставлениями к искоренению стригольников дал ему грамоту [39](#), в которой было объяснено, что иное есть мзда, а иное проторы, бываемые по нужде при поставлении священнослужителей, и указано на многие примеры, а Святом Писании, где издержки для

служителей алтаря и проповедающих Слово Божие не возбраняются. Патриарх Нил писал, между прочим, о св. Дионисии псковичам: «Смирение наше и великий собор послал к вам боголюбиваго архиепископа Дионисия Суздальского, мужа честного, благочестиваго и добродетельнаго, известнаго хранителя священных канонов, да посетит вас от лица нашего и благословит, научит и наставит и подобающее устроит, соединив вас соборной Апостольской Божией церкви, да уведаете, что отлучающиеся от церкви, отлучаются от самого Христа Бога; и все, что услышите из уст его, примите как наше собственное слово».

Приняв благословение и грамоту от Патриарха, Дионисий с честью и славою отпущен был из Константинополя. Но он, с одной стороны, опасаясь злобы и мести врага своего Михаила, а с другой — желая скорее исполнить патриаршее поручение о стригольниках, не заезжал ни в Москву, ни в Суздаль, а отправился прямо в Псков и в Новгород [40](#). Здесь он, согласно патриаршим грамотам, с успехом объяснил различие между лихоимством, или мздою, и платою, определенной законом. Своими кроткими и мудрыми наставлениями [41](#), вразумив не ведущих стригольников, обратив их к правоверию, и примирил с церковью.

Впрочем, испытываемы были и строгие меры против стригольников, так что, по словам Иосифа Волоколамского, «посылали тогда ловить их всюду и ни единого же оставиша, но всех в темницу ввергоша, даже до конца живота их» [42](#). Деятельность во Пскове и Новгороде не ограничивалась одним прением с стригольниками и приведением их к православию.

Кроме убеждаемой паствы, вникал он и в поведение духовенства и монашества, в хранение ими церковных правил, посещал церкви и монастыри и смотрел за благочинием, в них соблюдаемым. Однажды случилось ему быть в многолюдной обители Снетогорской, отстоящей от Пскова в 5 верстах [43](#). Здесь архиепископ Дионисий заметил во многих иноках любостяжание и непослушание. Уполномоченный от Патриарха Нила, Дионисий обличил пороки в иноках из Св. Писания, из соборных писаний, из Номоканона и писаний отеческих. Он указывал на пример первенствующих христиан, у коих не было ничего своего, но все было общее; указывал на правило 1-го Вселенского собора, что монахам не должно иметь никакой собственности, но все свое надлежит отдавать в пользу монастыря; указал и на правила Василия Великого, что всякий инок, имеющий какую-нибудь собственность в келии, отчуждает себя этим от Бога и от любви к Нему. Но чтобы преподанные инокам правила всегда были у них перед глазами, Дионисий в то же время написал им уставную грамоту о соблюдении правил иноческого общежития. Одна эта грамота оправдывает ум и знание, за кои Дионисий восхваляется летописцами. Будучи сам строгим блюстителем правил монашеских, он требовал исполнения оных и от иноков Снетогорской обители. По повелению Патриарха вселенского Дионисий внушал, между прочим [44](#): «В обители Снетогорской ни игумену, ни братии не должно иметь никакой своей собственности. В келии инокам не должно ни пить, ни есть. Ни у келаря, ни у клюшника никто не должен просить хлеба и питья. А если бы кто и просил у них, они не должны давать без соизволения игуменского. Все должны пить и есть в трапезе; а кроме трапезы запрещается ястие и питие. Кольми паче пьянство. Одежда должна быть та, которую раздает всем игумен;

а немецкого сукна не употреблять ни какую одежду. И не только теплую одежду, состоящую из бараньей кожи, но и обувь с онучами брать от Игумена, чтобы лишней одежды ни у кого не было. В церкви надлежит петь по правилам церковным и уставу святых Отец. Куда будет послан кто-либо из иноков, тот должен идти без послушания. Без спросу же и благословения Игуменского никому никуда не выходить. Во всем должно оказывать послушание Игумену. Того же, кто дерзнет противиться распоряжениям Игумена и заводить распри, — того до раскаяния сажать в темницу. Непокорных должно наказывать до трех раз, а потом уже выгонять из монастыря, не давая ему ничего из его собственности, внесенной в общество иноков». Впрочем, прибавляет Дионисий Снетогорским инокам: «Для дополнения моих кратких правил, читайте творения Василия Великого, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Феодора Студита, Пахомия и других подвижников; у них найдете правила и о послушании, и о смирении, и о других добродетелях, нужных для совершенного иноческого жития».

Кроме управления церковного и порядка монастырского, Дионисий во Пскове распорядился и гражданским управлением, чего требовали смутные обстоятельства того времени. Уполномоченный Архиепископ, желая смирить псковитян и подчинить их церковному суду, дал псковичам грамоту, дополнительную к грамоте Великого князя Александра Ярославича. Сею грамотою требовал он, почему ходить, как судить, кого и как казнить, и положил проклятие на тех, кои не захотят повиноваться таким постановлениям. Впрочем, через 13 лет таковые распоряжения названы от митрополита Киприана произвольными и зависящими от духа времени, в которое жил Дионисий [45](#).

По благополучном окончании Патриаршего поручения Дионисий заслужил любовь и уважение от правоверных новгородцев и прибыл в свою архиепископию 6 января 1382 года [46](#). В этот день в Суздале, в архиепископском облачении, совершал он на воду крестный Богоявленский ход. Кроме присланной прежде Одигитриевской иконы, Дионисий принес с собою из Константинополя в Суздаль купленные там дорогою ценою страсти Христовы, т. е. частицы орудий мучений при страдании Иисуса Христа. Впрочем, страсти эти, неизвестно почему, заложены были в стене Суздальского собора и найдены здесь уже по смерти Дионисия в 1401 году, когда перенесены они сначала в Переяславль, а потом в Москву, где теперь находятся в Благовещенском Соборе, в серебряном крестообразном кивоте [47](#).

Между тем Михаил (Митяй) по необходимости должен был ехать в Константинополь для достижения своих честолюбивых замыслов. Дотоле 18 месяцев управлял он церковью, именуясь наместником и откладывая отъезд свой. Но когда узнал, что Дионисий тайно уехал в Грецию, честолюбивый Митяй упросил Димитрия Ивановича поспешить с отправлением его. Простившись с Великим князем, он с казною и ризницею отправился в Константинополь в июле 1379 года. В знак особенной доверенности, Великий князь дал ему несколько белых хартий, запечатанных его печатью, дабы он воспользовался ими в Константинополе сообразно с обстоятельствами, для написания ли грамот от имени Димитрия, или для нужного займа денег у купцов. До реки Оки Митяй сопровождал сам князь и все Духовные и светские сановники, бывшие в Москве. А в Грецию отправились с ним три Архимандрита [48](#), Московский протопоп Александр, несколько Игуменов, шесть бояр Митрополитских, два переводчика и целый полк всякого рода людей, под

начальством большого великокняжеского боярина Юрия Васильевича Кочевина — Олешинского, собственного посланника Дмитрия. На дороге останавливаемый татарами, но получивший милостивый ярлык с титулом Митрополита от Мамаева племянника Хана Тюлюбека, Митяй достиг до Тавриды и сел на корабль [49](#). Но Промысел не допустил исполниться его гордым замыслам. Над ним сбылось предсказание преподобного Сергия, что «напрасно надеется он быть митрополитом: ему и Царя-града не видеть» [50](#). Как второй Моисей, он только издали увидел Константинополь, но вдруг, неизвестно от какой причины, занемог на море и умер (1376) [51](#). Галат был местом его погребения [52](#).

По смерти Митяя его деньгами и белыми хартиями воспользовался находящийся в свите его Переяславский Архимандрит Пимен. Прибыв в Константинополь с единомышленными спутниками [53](#), он склонил на свою сторону Императора и Патриарха обманом, — именно: на одной хартии написал он письмо от имени Великого князя к императору и Патриарху следующего содержания: «посылая к вам архимандрита Пимена, молю: да удостойте его быть митрополитом Российским, ибо лучшего не знаю» [54](#). Сначала Император и Патриарх, недавно отпустившие от себя приезжавшего сюда митрополита Киприана [55](#), усомнились истине этого письма и не хотели поставить в митрополиты Пимена, тем более что знали от Дионисия, кого Дмитрий назначал быть митрополитом. Но Пимен решился занять с процентами у купцов денег на имя Великого князя и ослепить всем глаза [56](#). Богатые дары превозмогли над их нерешительностью; и Пимен поставлен был в Константинопольском Софийском соборе в Русские митрополиты.

Все это происходило перед самою Куликовскою битвою. Когда же сокрушена была вся сила Мамаева на полях Куликовских (8 сентября 1380г.), Дмитрий узнал тогда о кончине любимца своего Михаила, узнал и о коварстве Пимена. Поступок последнего привел его в крайнее негодование. Разгневанный князь наказал всех его спутников заточением, а с него самого, как с наглого хищника и святотатца, велел снять белый клобук и отобрать все знаки митрополичьи. Пимен задержан был в Коломне и удален (1381 г.) под стражею в Чухлому (Костромской губернии), а отсюда через год в Тверь. На Московскую митрополию вызван им Киевский митрополит Киприан и 23 мая 1381 года принят князем с большою честью и торжеством [57](#). Но и этот новый митрополит, несмотря на труды свои в наставлениях пастырских, не оправдал надежд Дмитрия. Когда Тохтамыш овладел Москвою (23 августа 1382 г.), Киприан, после тщетных убеждений народа, не хотел разделять с ее жителями наступающего бедствия. Он удалился с Великою княгинею Евдокиею ко врагу Дмитрия, князю Тверскому Михаилу Александровичу [58](#). Московский князь за то, что не сел в осаде на Москве [59](#), сильно разгневался, увидев в нем не пастыря, а наемника и беглеца из заточения. В досаде на Киприана он возвратил будущего врага Киприанова Пимена, посылал его с дарами в Константинополь.

Но за обман и самовольный вторичный отъезд в Константинополь, он не возымел к нему доверенности и, забыв прежние обиды и оскорбления, вызвал Суздальского архиепископа Дионисия, давно уже известного по своим добродетелям и твердости характера и заслужившего особенное внимание его со времени убеждения стригольников. Дионисий, вполне оправдавший себя в глазах великого князя подвигами христианского учителя, явился в Москву и получил от него повеление ехать в другой раз

в Константинополь для постановления в митрополиты. Днем его отъезда был назначен праздник Петра и Павла в 1383 году. Спутником Дионисию для лучшего успеха был Духовник Дмитрия, Симоновский Игумен Феодор, родной племянник преподобного Сергия [60](#). Отпуская Суздальского архиепископа, Великий князь нисколько не сомневался в согласии патриарха на поставление Дионисия. Желание Дмитрия исполнилось, и св. Дионисий в 1384 году поставлен в митрополита Всероссийского прежде, нежели законным порядком сменены были уже поставленные Киприан и Пимен. Дмитрий надеялся видеть в новопосвященном истинного преемника св. Алексия. Но промыслу Божию не угодно было исполниться желаниям Московского князя. Возвращаясь из Константинополя, Дионисий прежде Москвы хотел сначала побывать в Киеве, как в месте своего духовного рождения и как старейшем городе по митрополии. Но здесь ожидал его роковой час. Когда он явился в Киев, то удельный князь Киевский, наместник князя Литовского, Владимир Ольгердович, постоянный недруг Дмитрия, узнав о Дионисии, велел схватить его и представить к себе. Князь встретил его следующими словами: «За чем ты ходил в Царьград ставиться в Митрополита без нашего совета и согласия? Разве ты не знал, что у нас есть Митрополит Киприан? Оставайся же здесь в Киеве: я не отпущу тебя». С этими словами Владимир Ольгердович, хотя сам исповедовал христианскую веру греко-российскую, велел посадить его под стражу и в заточение [61](#). Такой недоброжелательный поступок киевского князя с Дионисием, кроме защиты своего митрополита Киприана, можно объяснить тем, что Владимир считал его соучастником Дмитрия в отнятии княжества Нижегородского и Суздальского у Бориса Константиновича, за которым была сестра Владимирова Агриппина. По заточении в Киеве в 1385 году, 15 октября умер и положен в пещерах Антониевых [62](#), в Киевском Печерском монастыре, в котором положено им начало великих подвигов [63](#). Мощи его долго оставались нетленными. Но впоследствии частые неприятельские нашествия, с 1638 до 1686 года, истребили оные вместе с мощами других угодников. Церковь православная причислила его к лику святых и празднует память его 26 июня.

Так подвизался и кончил свою жизнь Дионисий, строгий ревнитель веры и благочестия и твердый защитник их в борьбе с врагами. Нет нужды оправдывать его пред некоторыми [64](#) от подозрений в честолубии, каким запятнал себя враг его Митяй. Св. Дионисия оправдывали в свое время Константинопольский патриарх Нил, Святитель Алексей, преподобный Сергей [Радонежский] и другие великие мужи, достойно почтившие его пред другими. «Мы приняли его с любовью, — писал патриарх о Дионисии, — нашли его достойным всякой похвалы, видели пощение его и слезы, молитву и милостыню, — все, чем воистину знаменуется духовный Божий человек; присутствовал он и на святом соборе и беседовал духовно с Епископами о Божественном Писании, показав в себе ревность к вере и глубокий разум в божественных канонах» [65](#). Дионисия оправдывают и сами летописцы, называя его мужем кротким, смиренным, хитрым (проницательным), разумным, промышленным (сведущим) и изящным в писаниях, учительным, в постном житии провозсиявшим и любовь ко всем стяжавшим [66](#).

Примечания

1 Об имени Дионисия до пострижения в иноческий сан можно судить по 26 числу июня, когда он празднуется Церковью. К этому прибавим выписку их двух древних синодиков Нижегородского Печерского монастыря. В первом написано: «На память преп. отца нашего Давида (26 июня) и преставление (15 октября) в оба дни понахиды и обедни служили собором и кормы на братию ставити большие». А во втором синодике: «Преосвященный митр. Дионисий, иже прежде бысть архиепископ Суздальский, а прежде того был начальником Печерскаго монастыря, преставился 6893 (1385) году месяца октября в 15 день, а память его в 26 день июня. Здесь в оба дни понахиды и обедни архимандриту служити собором и кормы на братию ставити большие» См. в моих Памятн. Церк. Древн. в Нижег. Губ., 1857 г., стр. 363.

2 Никон. Лет. III, 151.

3 После этого нет нужды опровергать слова митр. Платона в его Церк. Истор., что Печерский монастырь основан св. Алексием, который был еще тогда в числе братства в Московском Богоявленском монастыре.

4 Летоп. Печер. Монас. в Древн-Росс. библиоф. Ч. 19, стр. 363.

5 Икона Печерския Божия Матери в большом размере с предстоящими ей Антонием и Феодосием Киево-Печерскими, принесенная св. Дионисием из Киева, доселе остается в целости в Нижегород. Печерск. Монастыре и признается чудотворною. При разрушении прежнего Печерского монастыря, в 1597 году, она вынесена была архимандритом Трифоном. Теперь она уже в серебряном окладе. Надписи на ризе следующие: «Сия риза на чудотворной иконе Пресвятой Богородицы Печерския устроена при архимандрите Гаврииле на подавание от доброхотных дателей в 1823 году, в ней весу 19 фунтов 52 золотника». На правой стороне, на свитке, который держит преп. Антоний, написано: «Господи! Да будет на месте сем благословение Святыя Афонския горы». А на левой стороне, также на свитке, в руках преп. Феодосия, написано: «Бог вас, братие, совокупи. Буди благословение на вас от Бога». В 1832 году риза на иконе позлащена через огонь.

6 А не к тому времени (1378), когда Дионисий освобожден был из-под стражи ходатайством преп. Сергия, как напечатано в памятнике событ. Церкви и отечества. Ч. 3. Ср. Ист. Росс. Иерарх. Ч. V, стр. 164.

7 В кормовых, или вкладных, книгах записывались все вклады, даваемые на поминовение по усопшим, с назначением, когда, по ком на таковых вкладчиков и каким образом отправлять заупокойное служение и какие в те дни ставить кормы на братию. А в келарских книгах было на целый год расписание, когда какие производить хозяйственные работы, сколько и кого наряжать в посылку, какой отпускать им корм, куда и за чем отправлять из монастыря посылных. Взято из актов Нижегород. Печер. монастыря.

8 Рукоп. жит. преп. Евфимия в Нижег. Печер. монастыре.

9 В Нижнем Новгороде сохранились предания о рождении в Миронос. Приходе преподобных Евфимия и Макария, с указанием на место жительства их родителей.

См. о Мироносицкой церкви в моих Памятн. Церковн. Древностей в Нижегород. Губернии, изд. Арх. Общ. 1857 г., стр. 105.

[10](#) Рукоп. жит. преп. Макария в Нижегород. Печер. монастыре.

[11](#) В прим. к V т. Ист. Карам. О сочинениях Павла Васокаго см. а Обзорен. Русск. Дух. Литературы под № 72.

[12](#) НАПО В. К. Борис Константинович дал в Печер. монастырь по брате своем Андрее Констант. (1365) село Кадницы, село Новое с деревнями; в последних двух селениях упоминаются и храм во имя Иоанна Предтечи. Взято из актов Нижегород. Печер. м-ря.

[13](#) В рукоп. житии преп. Евфимия, находящемся в Печерском монастыре.

[14](#) По преданию, преп. Евфимий на пути в Суздаль, останавливался для подкрепления себя пищею в подгорной части города на Фоминой неделе во вторник, отчего и храмовой праздник преп. Евфимия в Горбатове совершается именно в этот день, а не 1 апреля. На месте сем близ чистого родника стоит теперь столбик с образом преп. Евфимия.

[15](#) В рукоп. житии преп. Евфимия Суздальского.

[16](#) См. в составленном житии преп. Макария, М., 1850 и 1857 год.

[17](#) Зачатьевский монастырь, основанный Великою княгинею Анастасиею Ивановною в память по матери своей Анне, до 1743 года находился в Нижнем Новгороде на берегу р. Волги под кремлевскою горою, близ нынешних казарм. Обогащаемый самою основательницею, В. Князьями и другими благочестивыми вкладчиками, он подвергнулся пожару в 1685 и в 1743 годах после второго пожара самая церковь его, как пишется в акта, «от ветхости и от слабых ключевых мест развалилась».

[18](#) Нижегород. Лет., Ник. Лет. VI, 79 и Степ. Книга.

[19](#) О житии благочестивой В. К. Анастасии, родом тверитянки, довольно привести слова летописца: «Живяще в молчании, тружасья рукоделием, постом, поклоны творя, молитвами и слезами, стоянием ношным и неспанием; многожды и всю ночь без сна пребываше, овогда чрез два, иногда и пять дней не едаше, в мовню не хожаше» Прим. 4 к V т. Ист. Карамзина. В словаре ист. О св. в Росс. Церкви, в 1 и 2 изд., ошибочно почитается В. К. Анастасия основательницею монастыря в Галиче и скончавшеюся там.

[20](#) Ник. Лет. IV, 60, Ср. Ист. Т. V, пр. 137. Устройство монастыря с большею вероятностию можно относить к 1370 году. От даров св. Алексия, по преданию, осталась только присланная им в монастырь древняя Корсунская икона Божией Матери, писанная в 993 году. О Нижегородском Благовещенском монастыре в Памятниках церк. Древностей в Нижегород. Губернии, стр. 145-238.

[21](#) Никон. Лет. IV, 9, 10. Татищева IV, 203. Нижегород. Лет. акты Истор., т. I, № 229.

[22](#) Ист. Росс. Иерарх., ч. 1, стр. 177, прим. 157 к V т. Ист. Карамз.; 203. Ник. Лет. IV. 210.

[23](#) Слов. Ист. О-в. Рос. Ц. Стр. 8, изд. 2.

[24](#) В прим. 31 к т. Истор. Кар.

[25](#) Ник. Лет. IV, 68. Печатник тогдашнего времени хранил у себя княжескую печать. В то время Великие Князья обыкновенных бумаг не подписывали собственноручно, но вместо сего печатник утверждал оные княжескою печатью.

[26](#) Ник. Лет. IV, 66, 67.

[27](#) Лет. Содерж. Русск. Ист. От 1206 до 1514 г. или Типог., Москва 1764, стр. 145.

[28](#) Лет. Типограф., стр. 140.

[29](#) В Константинополе в митрополита Московского был уже посвящен в конце 1576 г. от патриарха Филофея Киприан, не принятый, впрочем, в начале 1577 года св. Алексием. Новг. I Лит. Стр. 54.

[30](#) Ник. Лет. IV, 70.

[31](#) Рукоп. Житие преп. Евфимия.

[32](#) Памятник событий в Ц. и отеч. Ч. 3, л. 333; Слов. Ист. О св. в Русск. Церк. Стр. 82.

[33](#) Лет. Типограф., стр. 141.

[34](#) Супругою Донскаго (благочестивая Евдокия) была младшая дочь Димитрия Константиновича.

[35](#) Прим. к т. V ист. Карамзина.

[36](#) Ник. Лет. IV, 234.

[37](#) Акты Истор., т 1, № 25. Здесь сказано: «Облачитесь ему (Дионисию) в стихарь с источниками и во фелонь с четырьмя кресты (полисвталион) и с суангелы». Ср. Ист. Кар., т. V., стр. 3.

[38](#) Прим. 123 в V т. Ист. Кар., — Опис. Нижегород. Кафедр. Преобр. Собора в моих Памятн. Церк. Древ. в Нижегород. Губ. Стр. 43-44, где приложен и рисунок Одигитриевой иконы.

[39](#) Ник. Лет. IV, 130. Акты ист. Т. 1, № 4. Что касается до другой грамоты псковичам от патр. Антония (№ 61), в которой также упоминается о послании Дионисия Суздальского, то она заключает явный анахронизм. Дионисий скончался в 1385 г., патр. Антоний IV вступил на патриаршую кафедру в 1387 или 1388 г., и правил церковью

8 лет. См. Dictihist. Морер. I. 551. Nrlent. Chist. Acene. 304. Если упоминание о Дионисии, имеющем убеждать стригольников, не вставлено в позднейшее время, то разве Патриарх только ссылается на грамоту предшественника своего Нила и припоминает псковичам принять его увещания. В Обзоре Русск. Дух. Литературы (№ 71) послание преп. Нила 1382 года с обличением стригольников приписывается Дионисию, как переводчику одного послания.

[40](#) В полн. Собр. Лет. Новг. I, стр. 93; Ник. Лет. IV, 130.

[41](#) «Поучав их довольно» Ист. Карам. Т. V, прим. 65.

[42](#) Русск. о ерес. и раск. в Р. Н. Руднева. Прим. 72.

[43](#) Ист. Княж. Псков., ч. 3, стр. 87.

[44](#) Уставная грамота Дионисия в Актах Истор., т. I, № 5.

[45](#) Акты Истор., т. I, № 10. самой дополн. Судной грамоты Дионисия до нас не дошло, а грамота Киприанова писана 12 мая 1395 года.

[46](#) Ист. Карам. Т. V, прим. 65.

[47](#) Древ. Росс. Вивл., ч. 19, стр. 363, 367; Прим. 65 к V т. Ист. Кар; Истор. Собр. о граде Суздале во Врем. Моск. Истор. Общ. Кн. 22, стр. 28 и 29. Памятники Моск. Древн. Снегирева, Благовещ. Собор, стр. 92, где перечислены по надписям так называемые Страсти Христовы.

[48](#) Из них один был Иоанн Петровский из Москвы, Пимен Переяславский и Мартин Коломенский.

[49](#) Лет. Типограф., стр. 144; Ник. Лет. IV, 63; О достоверности Ханск. Ярлыков Григорьева, стр. 73 и 86.

[50](#) Ник. Лет. IV, 234.

[51](#) Но молва была в то время о смерти Митяя, что умер на море.

[52](#) Прим. в ист. Карам., стр. 28, т. V.

[53](#) Из спутников не соглашался на избрание Пимена только Петровский, Архимандрит Иоанн, хотевший быть сам митрополитом и грозивший раскрыть все их козни; но за сопротивление Иоанн посажен был в оковы.

[54](#) Ист. Карам. Т. V, стр. 60.

[55](#) Степ. Кн. 1, 422 и 423.

[56](#) Типограф. Лет. и Ник. Лет. IV, стр. 76. Занятых Пименом долговых денег простиралось до 20000 р. серебром.

[57](#) Типограф. Лет., стр. 147.

[58](#) Ник. Лет. IV, 234.

[59](#) Типограф. Лет., стр. 182.

[60](#) Типограф. Лет., стр. 183.

[61](#) Можно сказать, что об этом знал и св. Киприан в Киеве, но или не мог, или не хотел освободить Дионисия из-под стражи. Последнее, кажется, вероятнее, если взять во внимание близость Киприана к князю Владимиру и последующие неблагоприятные отзывы его о Дионисии. Акт. Ист. Т. 1, № 10.

[62](#) Ник. Лет. IV, 174; Ист. Карам. Т. V, прим. 124; Типограф. Лет., стр. 184-185. «И положен бысть в Печере Антониеве; тело же его и доныне цело и нетленно». См. Опис. Киево-Печ. Лавры 1837 г., стр. 114.

[63](#) Древ. Росс. Вивл., ч. 19, стр. 363, Троицк. Лет. в собр. Лет. 1, 233; Ист. Карам. Т. V, стр. 66; Ист. Росс. Иер., ч. 2, стр. 50 и 296.

[64](#) Напр., митр. Платоном и Н. М. Карамзиным.

[65](#) Акты Ист., т. 1, № 25.

[66](#) Ист. Карам. Т. V, прим. 123. Здесь прибавим, что известный список Лаврентьевской летописи написан в 1377 году по благословию св. Дионисия, руководившего в сем написании. Полн. Собр. Рус. Лет., 1 т., стр. 209.
